

НОВЫЙ СЛАДОСТНЫЙ СТИЛЬ

ПРОЗА

ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ

МОСКВА КВА-КВА

ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А42

Оформление серии – *Сергей Власов*

Аксенов, Василий Павлович.
А42 Москва Ква-Ква / Василий Аксенов. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Новый сладостный стиль. Проза Василия Аксенова).

ISBN 978-5-699-79554-3

Стоит на Котельнической набережной высотка. В ней, окруженная почестями, живет советская элита: Глика Новотканная — спортсменка, комсомолка, красавица и «главная» советская девственница; поэт-фронтовик Смелчаков, знаменитый летчик Моккинаки и многие-многие другие. Даже сам автор появляется там под именем Так Таковский.

Смелчаков любит Глику, Моккинаки любит Глику, Юрка-джазист любит Глику, Сталин любит Смелчакова и... боится Тито. А еще в романе есть дрессированные тигры, подводные лодки и Минотавр! Все то, что превращает обычную историческую хронику в удивительную фантазмагорию и заставляет одновременно и верить, и не верить Аксенову.

Стихи и проза, пародия и документальные свидетельства очевидцев чередуются в романе с озорной свободой вымысла.

На фоне споров об идеальном государстве протекает обыкновенная жизнь необыкновенных людей. Полвека назад такое сочетание еще было возможно...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79554-3

© Аксенов В., наследники, текст, 2015
© Бондаренко А., оригинал-макет, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

ЧЕРТОГ ЧИСТЫХ ЧУВСТВ	9
ДРУГИЕ ТЕМЫ	19
ВСЕГО ЛИШЬ ВЬЮГА	30
ЗАВЯЗКА ДРАМЫ	37
МАРТОВСКИЙ ГИД	49
ВСЕ В БЕЛОМ	60
ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ	74
ПОЯВЛЕНИЕ ТЕЗЕЯ	80
БОЕВИКИ МИРА	92
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ	107
ТАИНСТВА ПЕРВОМАЯ	118
РОЕТ DE LA PAIX	135
ТОЛКУЕМ ПЛАТОНА	153

ЧАСТЬ II

ЮЛИАНСКИЙ ИЮЛЬ	167
АБХАЗИЯ НА ОСОБОМ РЕЖИМЕ	187
ХИТРОСТЬ ТЕЛА	206
ОТКРОВЕНИЯ МЕДАЛИСТКИ	214
БАБЬЕ ЛЕТО	220
ЧУВСТВО ДРУГА	226
ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ	241
НОЧНОЙ КЛУБ	260

ГЛИКИНО ГОРЕ	278
СТРАННАЯ СУПЕРЖЕНЩИНА	290
ПРОЗРАЧНОСТЬ ЯДРАНА	307
ЗАМЫСЛОВАТАЯ ЦЕПОЧКА И КАМЕННЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК	314
КВАРТЕТЫ БЕТХОВЕНА.....	347
ШВИВАЯ ГОРКА.....	359
БАЛ АРИАДНЫ	370
ШАРАШКА НА ВЫСОТКЕ.....	391
О, ЭТОТ ВЬЮНОША ЛЕТУЧИЙ!.....	399
ТУЧИ НАД ГОРОДОМ ВСТАЛИ.....	407
ТЕАТР «ВАМПУКА»	417
ФИНАЛЬНЫЕ АККОРДЫ.....	428
ТЕЗЕЙ.....	434
СОРОК ДВА ГОДА СПУСТЯ.....	439

ЧАСТЬ I

Чертог чистых чувств

В начале 50-х годов XX века в Москве, словно в одночасье, выросла семерка гигантских зданий, или, как в народе их окрестили, «высоток». Примечательны они были не только размерами, но и величием архитектуры. Советские архитекторы и скульпторы, создавшие и украсившие эти строения, недвусмысленно подчеркнули свою связь с великой традицией, с творениями таких мастеров «Золотого века Афин», как Иктинус, Фидий и Калликратус.

Эта связь времен особенно заметна в том жилом великаны, что раскинул свои соединенные воедино корпуса при слиянии Москвы-реки и Яузы. Именно в нем расселяются все основные герои наших сцен, именно в нем суждено им будет пройти через горнило чистых, едва ли не утопических чувств, характерных для того безмикробного времени. Возьмите центральную, то есть наиболее возвышенную, часть. Циклопический ее шпиль зиждется на колоннадах, вызывающих в культурной памяти афинский Акрополь с его незабываемым Парфеноном, с той лишь разницей, что роль могучей городской скалы здесь играет само гигантское, многоступенчатое здание, все отроги которого предназначены не для поклонения богам, а для горделивого проживания лучших граждан атеистического Союза Республик.

С точки зрения связи с античным наследием любопытно будет рассмотреть также рельефные группы, венчающие исполинские, в несколько этажей въездные арки строения. Периферийные группы изображают порыв к счастью, в то время как центральные обобщают эти порывы в апофеоз — счастье достигнуто! Мужские фигуры рельефов обнажены до пояса, демонстрируя поистине олимпийскую мощь плечевых сочленений, равно как и несокрушимую твердыню торсов. Женские же фигуры, хоть и задрапированные в подобие греческих туник, создают отчетливое впечатление внутренних богатств. Что касается детских фигур, то они подчеркивают вечный ленинизм подрастающего поколения: шортики по колено, рукавички по локоть, летящие галстуки, призывные горны. Над всеми этими рельефными группами порывов и апофеозов реют каменные знамена. Грозди, снопы и полные чаши завершают композицию и олицетворяют благоденствие. Интересно, что динамика рельефов как бы завершается статикой полнофигурных скульптур, расположенных то там, то сям на высотных карнизах. Эти могучие изваяния с обобщенными орудиями труда вполне логично олицетворяют завершенность цели.

Позволим себе все-таки несколько слов критики и для пущей беспристрастности вложим их в уста нашей юной героини Глики Новотканной, проживающей со своими родителями в одной из самых просторных квартир этого здания-града. Всем хороши скульптурные группы нашего дома, иногда задумчиво произносит за семейным обедом Глика, однако с позиций художественного совершенства они все-таки чуть-чуть отстают от прототипов Эллады. Посмотрите, товарищи родители, как воздушны последние и как отчасти несколько тяжеловаты первые. Задуманные, как легконогие девы-нимфы, фигуры у нас чуть-чуть слегка гипертрофически раздуты в области плодоносительного потенциала. Вдохновенные

юноши, в которых хотелось бы видеть Париса, все-таки больше тяготеют к дородности Геркулеса, не так ли?

Иногда ей даже хочется чуточку высказаться по поводу общего архитектурного концепта: дескать, не кажется ли вам, любимые товарищи родители, что в общей задумке нашего непревзойденного строения, созданного великолепным скульптором, товарищем Чечулиным, должны звучать не только флейты Аттики, но и роги долины Тигра и Евфрата с ее несколько чуть-чуть как будто бы мрачноватыми шишаками и шарами? Тут она все-таки останавливает свою пылкость, чтобы не задеть чувства родителей, особенно маменьки, Ариадны Лукиановны Рюрих, доктора искусствоведческих наук, широко известной общественной деятельницы, члена правлений Комитета защиты мира, Комитета советских женщин, а самое главное, Комитета по Сталинским премиям СССР.

Ариадна Лукиановна, сама весьма отдаленная от нынешнего скульптурного воплощения женщины, все же направляет на дочь несколько чуть-чуть слегка обеспокоенный взгляд и дает себе зарок в близком будущем урезонить дочь по части греческих богов и тактично подвести ее к фундаментальной мысли о единой вдохновляющей силе Производительного Труда. Ведь не может же современная советская девушка, студентка-отличница МГУ, не понимать, как далеко мы ушли от рабовладельческого строя Древней Греции, в которой и родились эти мифы.

Впрочем, зарок этот немедленно забывался, едва лишь маменька бросала взгляд на папеньку, в широком обществе совершенно неизвестного, то есть абсолютно, по высшей схеме, засекреченного академика-физика и генерала Ксаверия Ксаверьевича Новотканного, своей уверенной и убаюкивающей статью напоминающего как раз Геракла.

Между прочим, Глика (полное имя — Гликерия) и сама вносила свой веский, хоть и юный, вклад в первостатейную семейную устойчивость. Будучи комсомольским лидером студенческого потока на журфаке МГУ да к тому же первозрядницей по гребле на байдарках, она ничего, кроме стопроцентного одобрения, не снискала в том высотном дворце, который с Ленинских гор ежечасно посылал привет своему брату в междуречье Москвы-реки и Яузы. Стройная и лучезарная, она отличалась удивительной способностью замыкать на себе внимание учащихя масс, то есть повышать тонус коллектива. Говоря «коллектива», мы имеем в виду всех, ну а о мальчиках уж и говорить не приходится. Все-таки скажем несколько слов. Всякое появление Глики Новотканной среди университетских потоков производило своего рода магнетическую струю, под влиянием которой все стриженные «под бокс» или «полубокс» головы поворачивались в ее сторону, да и как, судите сами, могли эти юноши остаться равнодушными к идеальному существу своего поколения?! Глика Новотканная! Иногда можно было увидеть, как она выпархивает из огромного ЗИСа-110 с ослепительными белыми кругами на великолепных шинах. Ходили неясные слухи, что ее отец принадлежит к числу сугубо засекреченных создателей сверхмощного оружия для завоевания мира во всем мире. Поговаривали также, что живет она с двумя своими родителями, то есть втроем, в восьмикомнатной квартире на восемнадцатом этаже в одном из новых высотных колоссов. Кто-то однажды добавил, что такие квартиры снабжены двумя (!) ванными и двумя (!) туалетами, но этому кому-то тут же советовали помолчать, дабы не расхотелись по городу дурацкие сплетни.

Так или иначе, но студенческая масса видела в Глике не только ярчайшего представителя своего поколе-

ния, но, пожалуй, даже некое существо из феерического близкого будущего, когда вся Москва будет застроена высотными чертогами победоносного Сталинизма, а жители столицы счастья будут передвигаться на личных мотоходах по подвесным виадукам, а то и пассажирскими вертолетами.

Иногда казалось, что она и сама себе представляется чем-то в этом роде, какой-то парящей Девой Социализма сродни той, что осеняла своим полетом обширный перекресток улицы Горького и площади Пушкина. В такие минуты она смиряла свой полудетский скок-перескок по ступеням МГУ, чтобы с должной торжественностью пройти, или, лучше сказать, вознестись, мимо вдумчивого изваяния девушки с книгой. Следует сказать, что некоторая шаловливость не покидала девушку даже в такие моменты. Ах, товарищи скульпторы, слегка чуть-чуть укоряла она, почему же даже «читающая девушка» в вашей интерпретации обладает чертами некоторой, хоть и незначительной, тяжеловатости? Ведь здесь, в храме науки, вы же нам, юным, легким, посвящали свой труд, но не зрелым же нашим победоносным женщинам, не так ли?

Такими шаловливыми мыслями Глика делилась только с тремя ближайшими своими людьми, то есть со своими родителями, плюс еще с одной близкой душою... тут читатель должен крепко упрочиться в своем стуле, как бы в ожидании сдвига земной коры, ибо третьей ближайшей персоной в жизни Глики Новотканной был ее жених. Кто бы поверил на потоке, что у этой вроде бы даже не совсем реальной, высоко парящей девушки, у этого символа нашей советской девственности, уже есть суженый? Ну а если бы стало известно имя этого счастлильца, то тут уж точно дрогнули бы все семь московских холмов, качнулись бы шпиды всех семи высоток, воссияли бы радостными

зарницами наши мирные небеса, потому что женихом Глики был не кто иной, как поэт, шестижды лауреат Сталинской премии, Герой Советского Союза, воитель всех советских войн, начиная с озера Хасан, завершая освободительной борьбой Корейской Народно-Демократической республики, Кирилл Илларионович Смельчаков.

К началу нашего повествования Кирилл подходил уже к 37-летнему рубежу, однако всякий, кто бросил бы на него первый взгляд, тут же бы подумал: вот идеал молодой мужественности! Статный и бравый, он был все еще по-юношески легок в походке, в жестах, в голосе, в мимике. Даже приглядевшись, то есть отметив некоторое серебро в висках и в ворошиловских усиках, всякий бы подумал: вот перед нами великолепные «тридцать с небольшим».

Вообще-то великое множество советских людей прекрасно было знакомо с образом этого героического поэта и только удивлялось, как этот молодой человек сумел так преуспеть в своих деяниях на протяжении стольких пятилеток во славу Родины. Многие еще помнили его суровые репортажи из траншей Гвадалахары и из гущи уличных боев в Барселоне, не говоря уже о его дерзких, под пулями шюцкоровцев, проникновениях за линию Маннергейма.

В мирные периоды очеркист Смельчаков без промедления становился своим человеком на стройках Магнитки, Днепрогэса и Каракумского оросительного канала. Вновь звучала труба классовых битв, и Кирилл за рулем одной из многосотенных армад красных танкеток прокатывался по улицам Таллина, Риги, Вильнюса, Львова, Белостока и пел, пел зарю нового века пролетарской свободы. Ну, и наконец, великое попри-

ще Отечественной войны, сопряженное с парашютными десантами в тыл врага, с прямыми репортажами из пекла танковых ристалищ на огненной Курской дуге, с полетами на бортах челночных «летающих крепостей», с подводными эскортами полярных конвоев антигитлеровской коалиции, это поприще давало ему возможность проявить свою отчаянную смелость и писательское мастерство в создании исполненной сдержанного патриотического восторга галереи портретов сталинских полководцев и рядовых тружеников тыла и бойцов фронта, бьющих фашистского зверя в его собственной берлоге.

С той же решимостью и его привычной, едва ли не «аристократической» сдержанностью (это определение, впрочем, никогда не употреблялось на официальных страницах, что естественно в государстве рабочих и крестьян) Смельчаков примкнул после войны к блестящей плеяде сторонников мира, к Илье Эренбургу, Константину Симонову, Фредерику Жолио-Кюри, Манолису Глезосу и другим всем известным личностям, бесстрашно бросавшим вызов реакционным оборотням империализма, готовым ради сверхприбылей ввергнуть человечество в пучину атомной войны.

Это новое поприще было во многом сложнее поприщ старых. «Лейки и блокноты, а то и пулеметы», конечно, все еще шли в ход, особенно там, где патриоты бросали прямой вызов реакции — ну, предположим, на горных склонах Македонии, в рядах армии генерала Маркоса или на зенитных батареях корейской 38-й параллели, — однако не меньшее мужество требовалось, чтобы неспешными шагами выйти в центр сцены какого-нибудь зала Мютюалите и произнести несколько завораживающих слов: